

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.7

EDN: PKYEYE

ИНТЕР-энциклопедия: конверсационный анализ

Ссылка для цитирования:

Мальцев М. А. ИНТЕР-энциклопедия: конверсационный анализ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 154–165. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.7>.
EDN: PKYEYE

For citation:

Maltsev M. A. (2022) INTER-Encyclopedia: Conversation Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 154–165. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.7>

Мальцев Михаил Алексеевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: mamaltsev@hse.ru

В статье описываются методологические особенности конверсационного анализа и особое понимание социологии, которое тематизируется в категориях естественной наблюдательной науки, радикального эмпиризма, микровзаимодействий или так называемой «речи во взаимодействии». Представлена трактовка понятия «социальный порядок», заложенная в программе конверсационного анализа. Рассмотрены такие ключевые понятия, как «очередность» и «передача права голоса», а также принцип «один говорящий за раз», обеспечивающий (вос-)производство локальной структуры разговора. Изложена концепция подготовки и анализа транскрипта в перспективе конверс-аналитических исследований.

Ключевые слова: конверсационный анализ; практики разговора; повседневные взаимодействия; этнометодология

Конверсационный анализ (conversation analysis) — направление исследований, предметом которых выступают разговорные взаимодействия. Термин «разговор» в перспективе конверсационного анализа (КА) не ограничивается

повседневными коннотациями, но включает в себя также и коммуникативные жанры, предполагающие ту или иную степень институциональной строгости (от интервью до судебного заседания). Конверсационный анализ приобрел свои методологические очертания в 1960-х годах благодаря усилиям **Харви Сакса**, а предпосылки его возникновения можно обнаружить в программе этнометодологии Гарольда Гарфинкеля, с которой КА объединяют неортодоксальные исследовательские ориентации. Помимо этнометодологии, конверсационный анализ испытал на себе влияние социологии Эрвина Гофмана, генеративной грамматики Ноама Хомского, теории речевых актов Джона Серля, равно как и других идей, имеющих отношение к философии обыденного языка, а также социолингвистики, этнографии и даже греческой философии [Maunard, 2013]. Отношение к ЭМКА (зонтичная аббревиатура, объединяющая этнометодологию и конверсационный анализ) достаточно сильно поляризовано: некоторые ученые описывают ЭМ и КА как «сектантское движение, содержание споров внутри которого понимают лишь их участники» [Ионин, 2010: 216]¹, другие же находят в них «революционную социальную науку» [Корбут, 2015: 136].

По мнению Сакса, повседневный мир и его обыденность поддаются настолько же формальному описанию, как в естественных науках. Более того, если естественные науки возможны как проект, то возможно и подлинно научное описание социальной жизни. Сакс видит социологию как естественную наблюдательную науку [Sacks, 1989: 29]. Хотя натуралистический проект социальных наук вошел в социологический дискурс задолго до Сакса, перспектива формализации наблюдений элементарного социального взаимодействия стала исследовательской находкой. Так социологический натурализм получил в свое распоряжение новый микрообъект (как выразилась Дейдра Боден, «конверсационный анализ — самый микро- во всей микросоциологии») [Boden, 1990: 248]²; а КА был инспирирован другими исследовательскими программами внутри социальных наук.

Если нормативная исследовательская логика движется от концептуализации социальных фактов к попыткам их измерения, например, с помощью интервью, фокус-групп или массовых опросов, то суть конверсационного анализа — минимальная нагруженность гипотезами и концептуализациями. Кроме того, как для этнометодологии, так и для конверсационного высказывания справедлив тезис о том, что социальный порядок конституируется, воспроизводится и администрируется не большими структурными явлениями, а участниками повседневных взаимодействий. Разговор в этом случае — средоточие социального порядка [Корбут, 2015].

¹ Примечательно, что подобная позиция озвучивается в учебно-методическом пособии. Это может говорить о формировании специфического отношения к ЭМКА уже на начальных этапах профессиональной социализации социологов.

² Приведенная цитата взята из статьи Андрея Корбута [Корбут, 2015: 136], благодаря которому русскоязычная социология получила возможность ближе познакомиться с ключевыми конверсационными и этнометодологическими текстами. Во многом проект этнометодологии и конверсационного анализа в России появился именно благодаря ему.

Повседневная жизнь, ее «здесь и сейчас», естественное богатство языка — ровно то, с чем имеет дело КА. Будучи натуралистичным методом, он акцентирует внимание на конкретных формах речевого поведения и призван «увидеть ситуацию взаимодействия такой, какой она не только воспринимается участниками взаимодействия, но и создается ими» [Турчик, 2013: 123]. Отсюда — радикальный эмпиризм, высокая степень детализации и формализации данных, причем формализации, которая всячески избегает их помещения в прокрустово ложе готовых исследовательских конструкций. Конверс-аналитик следит за живой работой разговора, так называемой **«речью во взаимодействии»** (talk-in-interaction, термин, который связывают с другим классиком КА Эммануилом Щеглоффом) [Корбут, 2015: 122]. Упорядоченность социального мира с позиции КА не представляет собой реальность *suī generis* в ее традиционном дюркгеймовском понимании. Она не является продуктом незримых социальных сил, а локализована в обыденном мире, который чувствителен к контексту и соткан из ситуативных взаимодействий. Последние же возможны благодаря согласованным действиям их участников [Тичер, Мейер, Водак, Веттер, 2009: 149–150].

Исследовательская ориентация конверсационного анализа предписывает особую роль и социологу. Внимание конверс-аналитиков приковано к тому, как рядовые члены общества делают взаимодействие упорядоченным и понятным друг для друга. В этой ситуации социолог теряет свое привилегированное положение и право на единоличную интерпретацию, поскольку анализируемость повседневных ситуаций интересна только в качестве анализируемости естественной, исходящей от непосредственных участников, а не навязанной извне трактовкой ситуации. Более того, эти трактовки должны быть «примитивными» и доступными, в том числе — для обывателей [Корбут, 2015: 123].

Статья **«Простейшая систематика организации очередности в разговоре» Харви Сакса, Эммануила Щеглоффа и Гейл Джефферсон**, считающаяся классическим конверс-аналитическим текстом, предлагает экскурс в систему организации разговорных взаимодействий [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015]. Выстраивая исследовательскую программу, конверс-аналитики имеют дело с такими понятиями, как очередность (или же черед) и право голоса. Как возникает упорядоченный разговор и почему он таковым остается? Почему люди обычно не перебивают друг друга и можно ли на этом основании заявлять, что разговор представляет собой наглядную иллюстрацию социального порядка? Авторы статьи утверждают, что разговор — серия чередов (turn)¹, в ходе которых участники взаимодействия реализуют или не реализуют право голоса. Разговор, к какому коммуникативному жанру он бы ни принадлежал, — предприятие, создающееся совместными усилиями участников. Очевидно, что это предприятие будет обречено на провал, если право говорения не будет переходить от одного человека к другому.

¹ По мнению Андрея Корбута, исходный смысл понятия “turn” наилучшим образом передается с помощью слова «черед». Специфике перевода категориального аппарата КА посвящен соответствующий раздел его статьи, где подробно рассмотрены переводческие решения и представлено их обоснование [Корбут, 2015: 134–135].

Поэтому машинерией, или техникой, ответственной за (вос-)производство разговора, является система очередности, в основе которой — «слышимость» конкретных реплик, способность участников узнать и определить свое место в локальной организации взаимодействия [Корбут, 2015: 125]. В понимании Сакса, Щеглоффа и Джефферсон, упорядоченный разговор зиждется на трех техниках, которые задействуются собеседниками:

(а) «назначение говорящего», подразумевающее, что текущий участник разговора выбирает следующего (например, задавая вопрос);

(б) «самовыбор», когда право голоса получает собеседник, стартовавший первым после завершения предыдущей реплики;

(в) если первые две возможности не были реализованы, то первый собеседник продолжает говорить [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 153].

Таким образом, право голоса либо удерживается, либо передается следующему собеседнику. В каждом релевантном месте перехода реплики этот алгоритм повторяется вновь, актуализируя принцип «один говорящий за раз». Конечно, возможны нарушения этого принципа — «затруднения», вызванные ситуацией одновременного говорения. Однако участники взаимодействия могут исправить ошибки и нарушения очередности, остановившись и предоставив черед для другого собеседника [там же: 148]. Подобный механизм обеспечивает адаптацию структуры разговора под разные контексты, тематические репертуары и различные социальные характеристики говорящих [там же: 146].

Решение задач конверсационного анализа сопровождается **транскрипцией** разговорных взаимодействий, требующей особой методической щепетильности. Эрик Ливингстон отмечает новаторский характер конверс-аналитических расшифровок: «Вместо того чтобы использовать фонетическую систему для создания транскриптов, они [конверс-аналитики] настояли на расшифровке того, что было слышно на записях — пауз, невнятных слов, повторов, «неправильных» временных форм, наложений реплик, растянутых и подчеркнутых «слов». Однако революционный аспект их работы заключался в том, что, используя эти расшифровки в сочетании с записями, они попытались выяснить, чем является слышимое и услышанное, идентифицирующая работа по созданию обыденных событий для участников беседы. Они предприняли попытку определить, из чего для собеседников состоит разговор — в качестве практического действия и практического рассуждения (practical reasoning). Упорядоченность разговора рассматривалась как проблема социального порядка; цель конверсационного анализа состояла в том, чтобы обнаружить, какова эта упорядоченность в ее феноменальной прожитой детализации и как она локально производится» [Livingston, 1987: 66].

Конверс-аналитическая расшифровка — это максимально детализированная фиксация естественно протекающих разговоров. Ее привычный облик — заслуга Гейл Джефферсон, еще одного конверс-аналитического классика. Транскрипционистка Сакса, а впоследствии его сотрудница и коллега, она сформулировала систему стенографирования, призванную переводить живую

разговорную практику в текстовый вид при сохранении максимального количества нюансов. Для этого была использована специальная система символов, обозначающих конкретные проявления речевого поведения участников — как перечисленных Эриком Ливингстоном, так и других — вдохов/выдохов, смеха, повышений/понижений интонации, проглоченных слов, технических пометок расшифровщика и т.д. Расшифровка разговоров подчиняется более или менее единым правилам, хотя и возможны небольшие модификации. Как правило, каждая статья сопровождается глоссарием, в котором представлены ключевые символы с описанием того, что они значат (например, [Августис, Широков, 2019]). Кроме того, разъяснение принципов расшифровки разговора можно найти в уже упомянутой статье Сакса, Щеглоффа и Джефферсона [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 192–198], а также в отдельной работе Джефферсона [Jefferson, 2004]. Приведем иллюстрацию глоссария с подробным перечнем символов транскрибирования, опубликованного в статье Анны Турчик¹ [Турчик, 2013: 154]:

- **(0.0)** — Цифрами в скобках обозначаются паузы между высказываниями (в секундах и долях секунды);
- **(-)** — Фрагмент речи неясен и не может быть транскрибирован;
- **(.)** — Знак короткого промежутка между высказываниями (десять долей секунды);
- **(())** — Комментарий автора, не является частью высказываний;
- **(слово)** — Примерно услышанное высказывание, не точно;
- **[]** — Наложение высказываний;
- **(хх)** — Смех, улыбка в голосе;
- **.хх** — Вдох;
- **хх** — Выдох;
- **слоххво** — Слово произносится со смехом или улыбкой в голосе;
- **=** Между высказываниями паузы нет вообще;
- **слово—** — Прерванное слово;
- **„?!“** — Знаки, символизирующую интонацию: завершающую, перечисляющую, вопросительную и восклицательную;
- **:** — Растягивание буквы; количество значков приблизительно показывает длину растягивания;
- **слово** — Подчеркнутая буква означает интонационное ударение на этом слове;
- **СЛОВО** — Слово произносится очень громко, крик;
- **слово** — Слово произносится подчеркнуто энергично и чуть громче обычного;
- **°слово°** — Высказывание произнесено заметно тише обычного;
- **↑↓** — Повышение и понижение интонации;
- **слово'** — «Проглоченное» слово или часть слова, разговорный вариант;

¹ Фрагмент разговора, расположенный ниже, расшифрован в соответствии с глоссарием и является частью той же статьи.

- (...) — Часть текста, следующего между высказываниями, опущена;
- < > — Замедление речи;
- > < — Ускорение речи.

Ниже представлен пример практической реализации конверс-аналитической расшифровки и работы механизмов очередности. В нем рассматривается взаимодействие участников телефонного интервью (интервьюера и респондента). В этом фрагменте интервьюер предпринимает попытку добиться согласия респондента на участие в беседе. Как утверждает автор статьи, слыша «да», интервьюер получает «право голоса» и начинает собственную реплику — вступительное слово. Он закрывает возможности для возникновения коммуникативных окон — релевантных мест перехода и «буквально перестает дышать до тех пор, пока не произнесет фразу до конца» (на это указывает знак «=>»), зная, что переход коммуникативной инициативы к респонденту может привести к завершению разговора [Турчик, 2013: 133].

Фрагмент 3¹ [Турчик, 2013: 133]:

1. Р: ↓да!
2. И: ↓здравствуйте=меня зовут Павел=я представляю компанию фонд
3. общественного мнения (.).h мы проводим очень интересный. h опрос
4. по (звук) жителей города ↓благовещенска=↓пожалуйста (.) буквально пять
5. минут уделите нам=примите участие в нашем ↓опросе=хоро↑шо?
6. (1) Всего пять ↓минут (.)
7. (2)
8. И: хорошо?
9. Р: ну: да↑ва:: йте [°валяйте°
10. И: [большое спасибо за ↓согласие

Каковы основные принципы КА и в чем заключается важность использования записанных разговоров и детализированных расшифровок? Это необходимо для того, чтобы обнаружить и описать повторяющиеся практики взаимодействия, производящую их машинерию. Абсолютно любой разговор представляет интерес для конверс-аналитика, поскольку каждый раз он «случается». Работа участников по исправлению поломок, сбоев и заминок демонстрирует постоянное воспроизводство и фиксацию упорядоченности, «порядок во всех точках» [Sacks, 1992: 484]. Эта упорядоченность реализуется постоянно — в расстановках акцентов, избегании слов, незначительных ошибках. Все это — не второстепенная, а неотъемлемая часть разговора. Естественная же упорядоченность разговора должна быть доступна для

¹ Представлен в том виде, в каком был опубликован в оригинальной работе.

аналитической проверки. Она обеспечивается записанными разговорами и их расшифровками, которые, в отличие от живой беседы, могут быть воспроизведены и тщательным образом препарированы с учетом внимания к «незначительным деталям», которые иначе могли бы быть отброшены. Примечательный пример приведен в статье Джека Сиднелла: начиная называть полицейского «копом», один из собеседников сознательно прерывает реплику и говорит «офицер». Это значит, что обычно он использует первое слово, но в текущей ситуации считает его употребление неуместным [Sidnell, 2013: 87]. Сиднелл констатирует, что «такие форматы исправления ошибок могут оказаться локусом порядка и явлением, поддающимся исследованию» [Sidnell, 2013: 87].

Конверсационный анализ предписывает и иные принципы рассмотрения идентичностей говорящих. Конечно, методика исследовательской работы с разговором требует доступа к максимальному объему контекстуальной информации — чем больше мы знаем о том, какова композиция отношений между участниками, кем они приходятся друг другу, тем лучше мы понимаем, что они делают, когда говорят определенным образом [Sidnell, 2013: 85]. В разговоре может участвовать кто угодно — «друг», «мать», «начальник», «клиент», «мужчина», «женщина» и т.д. Тем не менее эта информация об участнике не должна однозначно определять исследовательские интуиции. Конечно, различия между людьми, их категоризация с точки зрения класса, гендера, тех или иных капиталов или авторитета — это свойство, присущее миру, в котором мы живем. Однако далеко не обязательно, что эти различия — следствие производства конкретного фрагмента разговора или другого поведения во взаимодействии. Задача конверс-аналитика — «демонстрировать», а не «предполагать», показывать, что сами участники взаимодействия ориентируются на конкретные категоризации и строят разговор в соответствии с ними [Sidnell, 2013: 86].

Процедуры конверсационного анализа основываются на трех шагах: наблюдение, идентификация и коллекционирование феноменов, а также описание практики.

(1) Наблюдение

Конверс-аналитик начинает работу со случаем — записанным фрагментом беседы, обращая внимание на «как» разговора — его организацию, повторяющиеся детали, самих говорящих — и делая замечания относительно его особых черт [Sidnell, 2013: 87]. Эммануил Щеглофф отмечает: «Практически все результаты появляются на основе “немотивированного” исследования материалов естественного взаимодействия, то есть исследования, которое не вытекает из заранее определенных аналитических целей, а возникает благодаря наблюдению за изначально ничем не примечательными чертами разговора или другого поведения. В начале траектории такого анализа может быть наблюдение за совершаемым действием, затем — уточнение того, что

в разговоре или другом поведении, его контексте служит практикой для выполнения этого действия. Или же этот анализ может начаться с наблюдения за какой-то чертой разговора. Далее возникает вопрос, что — если вообще что-нибудь — является результатом этой практики» [Schegloff, 1996: 172]¹. Кроме того, на этом этапе возможно обращение к результатам предыдущих исследований, чтобы определить повторяющиеся от беседы к беседе кейсы и получить первое представление о собираемом явлении или практике [Sidnell, 2013: 87].

(2) Идентификация и коллекционирование феноменов

Переход от наблюдения за примечательным фрагментом к группировке похожих случаев — следующий этап разговорного анализа. Он сопряжен с разными трудностями, поскольку один и тот же случай (выбор реплики, формулировки вопроса и др.) можно соотнести с разными коллекциями [Sidnell, 2013: 88–92]. Так, вопрос «где ты был?» вовсе не обязательно выражает стремление узнать, в какой географической точке/месте/заведении находился человек. Вместо этого он может сигнализировать о недовольстве говорящего. Аналогичная многозначность обнаруживается в вопросах «Ты сейчас в центре города?» или «Есть ли у тебя в квартире горячая вода?». В первом случае может подразумеваться предложение встретиться, а во втором — деликатная просьба. Таким образом, подготовка коллекций требует скрупулезных усилий по идентификации случаев, удовлетворяющих запросам исследователя.

(3) Описание практики

На третьем этапе идентифицированный феномен, который обзавелся собственной коллекцией случаев, описывается в качестве практики. Сопоставляя различные проявления феномена, конверс-аналитик получает возможность определить, какую функцию выполняет заинтересовавший его элемент взаимодействия (в статье Сиднелла это междометие “Oh”) — независимо как от конкретного говорящего, так и от конкретного получателя. По словам Сиднелла, итогом подобных аналитических манипуляций становится общая, независимая от контекста черта практики [Sidnell, 2013: 97].

По мнению Эрика Ливингстона, проект транскрипции и метод анализа расшифровок «был блестящим во всех деталях», но, как показала практика, он не лишен недостатков [Livingston, 1987: 76]. Аудиозаписи и расшифровки, пусть и тщательным образом подготовленные, все же отдалили разговорный анализ (и Сакса в частности) от «наблюдаемой, живой работы производства обыденного разговора собеседниками», к которой относятся «телесное присутствие, локальная историчность сказанного, предыдущая определенность высказывания, действия собеседников и осуществляемые ими виды

¹ Цитата по [Sidnell, 2013: 88].

деятельности» [Livingston, 1987: 76]¹. Более того, чрезмерная увлеченность подготовкой транскрипта и его формализацией влечет за собой превращение конверсационного анализа в ресурс генерализации, а не схватывание механизмов, позволяющих социальному порядку случиться в микровзаимодействиях [Корбут, 2015: 136].

Тематический репертуар исследований, проводимых в русле КА, по-прежнему чрезвычайно широк и включает в себе как институциональные, так и неинституциональные взаимодействия. В фокус конверс-аналитиков попадают самые различные исследовательские сюжеты: ситуации телефонных опросов [Августис, Широков, 2019], геймифицированное обучение, где стандартная конфигурация отношений «ученик — учитель» дополняется использованием цифровых платформ [Ерофеева, Кловайт, 2020], атипичные взаимодействия — естественно протекающий разговор с людьми, у которых наблюдаются коммуникативные нарушения [Корбут, 2021], и т.д. Сравнительно недавним направлением исследований стало взаимодействие «человек — машина», которое выстраивается по совершенно иным правилам. В таких ситуациях механики поддержания порядка разговора и исправление коммуникативных поломок предполагают иной набор правил, отличный от взаимодействия между людьми. Например, разговору человека и голосового помощника свойственна прямая демонстрация недовольства без соблюдения правил вежливости [Корбут, 2019].

За годы существования конверсационного анализа его методология была расширена. Если в первоначальном виде КА имел дело с расшифрованными эпизодами разговоров, то в последнее время произошел сдвиг в сторону мультимодального подхода, выход за границы аудиального измерения. «Речь во взаимодействии» — это не только вербальный поток, но и телесные движения, настройки мимики, работа с окружающими физическими объектами и декорациями, в которые вписаны собеседники [Турчик, 2011]. В этой точке своего развития конверсационный анализ обнаруживает пересечение в методологических ориентациях с анализом видео (или видеонализом) — другой исследовательской программой, также возникшей под влиянием этнометодологии [Heath, Luff, Hindmarsh, 2010].

Литература

Августис Ю. И., Широков А. А. Ситуации и методы переспрашивания в телефонных опросах: этнометодологический анализ стандартизированного интервью // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 22–42. EDN: [DKWLMK](#)

Ерофеева М. А., Кловайт Н. Боги из машины: порядок взаимодействия в геймифицированном дистанционном обучении // Социология власти. 2020. Т. 32. № 3. С. 189–220. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-3-189-220>. EDN: [YNSNDP](#)

Ионин Л. Г. История теоретической социологии. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. И. Ф. Девятко, М. С. Ковалева, В. Н. Фомина. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2010. С. 215–217. EDN: [RVDKWB](#)

Корбут А. М. Атипичное взаимодействие и конверсационный анализ // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 4. С. 737–743. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-4-737-743>. EDN: [IAIDYZ](#)

¹ Цитата по [Корбут, 2015: 127].

Корбут А. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141. EDN: [TRRQZZ](#)

Корбут А. М. Реакция пользователей на сбои во взаимодействии с компьютерами: социологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 6. С. 27–43. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.6.3>. EDN: [AAGYYB](#)

Сакс Х., Щеглофф Э. А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202. EDN: [TRRRAJ](#)

Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2009.

Турчик А. Мультимодальное взаимодействие: исследовательские возможности применения разговорного анализа. По итогам международной конференции по разговорному анализу, Мангейм (Германия), лето 2010 г. // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 164–175. EDN: [NYKODP](#)

Турчик А. Разговорный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 122–154. EDN: [RYRFEH](#)

Boden D. People Are Talking: Conversation Analysis and Symbolic Interaction // Symbolic Interaction and Cultural Studies / Ed. by H. S. Becker, M. M. McCall. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 244–274. DOI: <https://doi.org/10.7208/CHICAGO%2F9780226041056.003.0015>

Heath C., Luff P., Hindmarsh J. Video in Qualitative Research. London: SAGE Publications Ltd, 2010. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470357210385526>

Jefferson G. Glossary of Transcript Symbols with an Introduction // Conversation Analysis: Studies from the First Generation / Ed. by G. H. Lerner. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 13–31. DOI: <https://doi.org/10.1075/PBNS.125.02JEF>

Livingston E. Making Sense of Ethnomethodology. London: Routledge & Kegan Paul, 1987. DOI: <https://doi.org/10.2307/2072530>

Maynard D. W. Everyone and No One to Turn to: Intellectual Roots and Contexts for Conversation Analysis // The Handbook of Conversation Analysis / Ed. by J. Sidnell, T. Stivers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118325001.CH2>

Sacks H. Introduction // Harvey Sacks — Lectures 1964–1965 / Ed. by G. Jefferson. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 1989. P. 29–33. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-015-6853-1_2

Sacks H. Lectures on Conversation. Cambridge: Blackwell, 1992. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01323215>

Schegloff E. A. Confirming allusions: Toward an Empirical Account of Action // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 102. № 11. P. 161–216. DOI: <https://doi.org/10.1086/230911> EDN: [CJDLGN](#)

Sidnell J. Basic Conversation Analytic Methods // The Handbook of Conversation Analysis / Ed. by J. Sidnell, T. Stivers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 77–99. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118325001>

Сведения об авторе:

Мальцев Михаил Алексеевич — аспирант, кафедра анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** mamaltsev@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [1144978](#); **ORCID ID:** [0000-0002-7650-0293](#); **ResearcherID:** [AAE-2379-2022](#).

Статья поступила в редакцию: 07.08.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

INTER-Encyclopedia: Conversation Analysis

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.7

Mikhail A. Maltsev

HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: mamaltsev@hse.ru

The article describes the methodological features of conversation analysis (CA) and a special understanding of sociology which is embedded in its program and reflected in the categories of observational science, radical empiricism, micro-interactions and "talk-in-interaction". The interpretation of the concept of social order incorporated in the program of conversation analysis is presented. "Turn-taking" concept and "one speaker at a time" principle are discussed. They are shown to be crucial for the (re-)production of the local structure of a conversation. Finally, the article includes the overview of transcript preparation and analysis procedures developed in CA research.

Keywords: conversation analysis; practice of conversation; sociology of everyday life; ethnomethodology

References

Avgustis I.I., Shirokov A.A. (2019) Situacii i metody peresprashivaniya v telefonnyh oprosah: etnometodologicheskij analiz standartizirovannogo interv'yua [Situations and Methods of Re-asking in Telephone Surveys: an Ethnomethodological Analysis of a Standardized Interview]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4. P. 22–42. (In Russ.)

Boden D. (1990) People Are Talking: Conversation Analysis and Symbolic Interaction. In: H. S. Becker, M.M. McCall (eds.) *Symbolic Interaction and Cultural Studies*. Chicago: University of Chicago Press. P. 244–274. DOI: <https://doi.org/10.7208/CHICAGO%2F9780226041056.003.0015>

Efofeeva M. A., Klowait N. (2020) Bogi iz mashiny: poryadok vzaimodejstviya v gejmficirovanom distancionnom obuchenii [Dei ex machina: The Interaction Order of Gamified Distance Learning]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 32. No. 3. P. 189–220. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-3-189-220>

Heath C., Luff P., Hindmarsh J. (2010) *Video in Qualitative Research*. London: SAGE Publications Ltd. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470357210385526>

Ionin L. G. (2010) *Istoriya teoreticheskoy sociologii. Stabilizacionnoe soznanie i sociologicheskaya teoriya v vek krizisa: Uchebno-metodicheskoe posobie* [History of theoretical sociology. Stabilization Consciousness and Sociological Theory in the Age of Crisis: Study Guide]. Ed. by I. F. Devyatko, M. S. Kovaleva, V. N. Fomina. Moscow: Akademicheskij proekt, Gaudeamus [Academic project, Gaudeamus]. P. 215–217. (In Russ.)

Jefferson G. (2004) Glossary of Transcript Symbols with an Introduction. In: G. H. Lerner (ed.) *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam: John Benjamins. P. 13–31. DOI: <https://doi.org/10.1075/PBNS.125.02JEF>

Korbit A. M. (2021) Atipichnoe vzaimodejstvie i konversacionnyj analiz [Atypical Interaction and Conversation Analysis]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 19. No. 4. P. 737–743. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-4-737-743>

Korbit A. M. (2019) Reaktsiya pol'zovateley na sboi vo vzaimodejstvii s komp'yuterami: sotsiologicheskij analiz [User Reaction to Breakdowns in Human—Computer Interaction: A Sociological Analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 22. No. 3. P. 27–43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.6.3>

Korbut A. (2015) Govorite po ocheredi: netekhnicheskoe vvedenie v konversacionnyj analiz [Take Turns: A Non-Technical Introduction to Conversation Analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 120–141. (In Russ.)

Livingston E. (1987) *Making Sense of Ethnomethodology*. London: Routledge & Kegan Paul. DOI: <https://doi.org/10.2307/2072530>

Maynard D.W. (2013) Everyone and No One to Turn to: Intellectual Roots and Contexts for Conversation Analysis. In: J. Sidnell, T. Stivers (eds.) *The Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118325001.CH2>

Sacks H. (1989) Introduction. In: G. Jefferson (ed.) *Harvey Sacks — Lectures 1964–1965*. Dordrecht: Springer Science+Business Media. P. 29–33. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-015-6853-1_2

Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (2015) Prostejshaya sistematika organizacii ocherednosti v razgovore [A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 142–202. (In Russ.)

Sacks H. (1992) *Lectures on Conversation*. Cambridge: Blackwell. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01323215>

Schegloff E. A. (1996) Confirming allusions: Toward an empirical account of action. *American Journal of Sociology*. Vol. 102. No. 11. P. 161–216. DOI: <https://doi.org/10.1086/230911>

Sidnell J. (2013) Basic Conversation Analytic Methods. In: J. Sidnell, T. Stivers (eds.) *The Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 77–99. DOI: <https://doi.org/10.1086/230911>

Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis]. Kharkov: Izdatelstvo "Humanitarian Center". (In Russ.)

Turchik A. (2013) Konversacionnyj analiz institucional'nogo vzaimodejstviya: kommunikativnye strategii uchastnikov "prervannogo" telefonnogo interv'yuu [Conversation Analysis of Institutional Interaction: Communication Strategies of "interrupted" Telephone Interview Participants]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 1–2. P. 164–175. (In Russ.)

Turchik A. (2011) Mul'timodal'noe vzaimodejstvie: issledovatel'skie vozmozhnosti primeniya konversacionnogo analiza. Po itogam mezhdunarodnoj konferencii po konversacionnomu analizu, Mangejm (Germaniya), leto 2010 g. [Multimodal Interaction: Exploratory Opportunities for the Application of Conversation Analysis. Based on the results of the International Conference on Conversational Analysis, Mannheim (Germany), summer 2010]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 10. No. 1–2. P. 164–175. (In Russ.)

Author bio:

Mikhail A. Maltsev — Graduate student, Social Institutes Analysis Department, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** mamaltsev@hse.ru. **RSCI Author ID:** [1144978](https://orcid.org/0000-0002-7650-0293); **ORCID ID:** [0000-0002-7650-0293](https://orcid.org/0000-0002-7650-0293); **ResearcherID:** [AAE-2379-2022](https://orcid.org/AAE-2379-2022).

Received: 07.08.2022

Accepted: 09.09.2022